

Кости в пудре. Диво дивное!

Сун Цяньцзи быстро установил новые ворота во двор.

Ворота из персикового дерева, покрытые ярким алым лаком, с блестящими медными кольцами. Перед ними висели два фонаря из бирюзового шёлка, на которых были изящно нарисованы ветви цветущего персика, создавая образ лёгкости и изящества. Лёгкий весенний ветерок покачивал их. Казалось, будто лепестки, срывающиеся с персикового дерева у ворот, случайно опустились на шёлковую поверхность фонарей.

Друзья Мэн Хэцзэ оказались проворными ребятами: доставили и установили всё быстро. Когда людей много, и работа спорится.

Чжоу Сяюнь даже повесила у ворот изящную деревянную табличку с аккуратно вырезанными иероглифами: «Двор Суна».

Сун Цяньцзи вынужден был признать, что у женщин-совершенствующихся вкус был определённее лучше, чем у такого мужлана, как он.

Мэн Хэцзэ, сидя в деревянном кресле на колёсах, кивнул:

— Неплохо, выглядит солидно.

«Неплохо» было скромным определением. Теперь ворота жилища Сун Цяньцзи были, без сомнения, самыми представительными во всей внешней школе.

Вот только стоило воротам открыться, как контраст между внешним видом и внутренним убранством становился ещё разительнее, подчёркивая пустоту и убогость двора.

Стул, на котором сидела Чэнь Хунчжу, и чашку, из которой она пила, уже выбросили. Землю Сун Цяньцзи вскопал, очистив от камней и сорняков, но ещё не успел поставить изгородь и посадить цветы или овощи.

Всё только начиналось, как и эта весна его новой жизни.

Сун Цяньцзи, довольный результатом, ощутил лёгкую грусть.

В прошлой жизни многие наперебой рвались выполнить любое его желание. Стоило ему захотеть сменить ворота, и ему бы преподнесли новый дворец. Но делали они это из страха или

корысти. Они рассуждали о выгоде, об обмене, но никогда — о дружбе и искренности.

— Спасибо вам, — сказал Сун Цяньцзи.

— Да за что! — радостно улыбнулась Чжоу Сяюнь. — Старший брат Сун, ты слишком вежлив. Нам пора на работу, завтра придём поменять остальную мебель!

Школа Хуавэй, принимая тысячу учеников во внешнюю школу, по сути, нанимала толпу низкооплачиваемых разнорабочих, обеспеченных едой и жильём.

Каждый день они получали задания в Зале Дьяконов: копать духовные камни в шахтах, расчёсывать и убирать за духовными зверями, выполнять поручения других учеников и так далее. За это они получали мизерную плату в виде духовных камней.

Выполнение заданий школы они в шутку называли «работой».

Если ты не был баловнем судьбы вроде Чжао Цзихэна, которому не нужно было беспокоиться о деньгах и который рассматривал внешнюю школу лишь как трамплин для развлечения, то «совершенствование» и «работа» становились двумя трудно совместимыми частями жизни ученика.

Не будешь работать — не будет духовных камней на покупку или аренду техник. Будешь усердно работать — не останется времени на совершенствование.

Мэн Хэцзэ из-за травмы последние несколько дней был освобождён от работы.

Остальные, смеясь и переговариваясь, направились к выходу, но внезапно замерли. Смех стих.

В проёме ворот стоял человек, преграждая им путь.

Он был одет в изумрудный парчовый наряд, на голове — нефритовая корона. На поясе висел меч в богато украшенных самоцветах ножнах.

Он кончиком пальца поддел деревянную табличку у ворот и презрительно усмехнулся:

— Двор... Суна.

Весенний ветерок принёс с собой прохладу. Радостная атмосфера во дворе мгновенно испарилась.

Все заслонили собой Мэн Хэцзэ и Сун Цяньцзи, настороженно глядя на незваного гостя.

Тот, в парче, перевёл взгляд на качающиеся фонари и снова усмехнулся:

— Вы, наверное, не знаете, но в городах внизу ночная жизнь куда веселее дневной. Девушки в весёлых домах зажигают у входа фонари с цветами персика, давая понять, что готовы принимать гостей. Похоже, этот Двор Суна преследует ту же цель.

Лицо Чжоу Сяюнь залилось краской:

— Чжао Цзихэн, ты подлец!

— О, это же младшая сестрица Чжоу! — Чжао Цзихэн сделал вид, будто только что её заметил, и подошёл ближе. — В нашей школе Хуавэй и так мало красивых девушек-совершенствующихся. Такой редкий цветок, как ты, не должен прозябать в этой компании. Какая растрата!

— Зачем пришёл? — холодно спросил Мэн Хэцзэ.

Он развернул своё кресло, выезжая вперёд, и казалось, что в нём больше уверенности, чем в стоящем Чжао Цзихэне.

Чжао Цзихэн инстинктивно отступил на два шага, но, вспомнив, что тот тяжело ранен, снова рассмеялся:

— Я пришёл с подарком! Неужели вы не знаете правил гостеприимства?

С этими словами он крикнул наружу:

— Вносите!

Четверо его прихвостней, неся знакомое кресло-носилки, дружно переступили порог.

— Ставьте здесь, — высокомерно приказал Чжао Цзихэн. — Сун Цяньцзи, вот тебе паланкин. Попробуй-ка снова в него сесть.

После инцидента с «передачей записки главе школы» в Зале Порядка Сун Цяньцзи стал там настоящей знаменитостью.

Ученики Зала Порядка и Зала Правосудия, в большинстве своём не знавшие его раньше, на вопрос «который из них Сун Цяньцзи?» неизменно отвечали:

— А, это тот, что опоздал на экзамен во внешнюю школу и которого принесли на паланкине.

Когда эти слова дошли до ушей Чжао Цзихэна, он хохотал до слёз:

— Как я только додумался пронести Сун Ло на носилках через всю площадь? Я же гений!

Сегодня он пришёл, чтобы поиздеваться над ним и заодно похвастаться.

Чжао Цзихэн похлопал по подлокотнику носилок:

— Посмотрите-ка на себя. Столько суетились, чуть не вылетели из школы, а во внутреннюю школу всё равно прошёл я. Я-то думал, раз ты встретился с главой, то нашёл себе покровителя. А ты что, так и вернулся во внешнюю школу с поджатым хвостом?

Мэн Хэцзэ так разозлился, что чуть не вскочил с кресла. Он одной рукой схватил носилки и швырнул их прочь.

Чжао Цзихэн отпрыгнул, зная, что Мэн Хэцзэ до него не дотянется:

— Ломай, бросай, сколько хочешь. Завтра новые принесу. Хоть я теперь и живу во внутренней школе и мне сюда добираться неудобно...

— Спасибо.

Чжао Цзихэна словно молнией ударило. Он резко обернулся и увидел Сун Цяньцзи, который поймал носилки и улыбался.

— Что ты сказал?

— Я сказал, спасибо, — Сун Цяньцзи подтащил носилки к каменному столу и поставил в подходящем месте. — Довольно удобно.

«Если кто-то дарит, зачем отказываться? Экономия на покупке. Отличное дело. Как раз то, что нужно, чтобы после работы в поле развалиться вечером с чашкой чая на свежем воздухе»

Чжао Цзихэн на миг опешил и уже хотел спросить «Ты больной?», как вдруг кто-то резко схватил его за руку.

— Как вы здесь оказались? Дьякон Чжао вас повсюду ищет!

— Не видишь, я занят? Подожди, — Чжао Цзихэн узнал одного из дьяконов, подчинённых своего дяди, и не придал этому значения.

Он нетерпеливо дёрнул рукой, но не смог вырваться, что его крайне удивило.

— Ждать нельзя! — во двор ворвалась группа дьяконов и окружила его.

Опасаясь, что он натворит дел, они, по приказу Чжао Юйпина, связали ему руки божественной верёвкой.

— А теперь пойдёмте с нами!

— Эй, вы что творите?! — в ужасе закричал Чжао Цзихэн, барахтаясь, как цыплёнок, которого схватили за шкуру.

Его прихвостни, увидев, что дьяконы настроены серьёзно, робко попятились.

Главный дьякон повернулся к Сун Цяньцзи и с вежливой улыбкой сказал:

— Вам больше не нужно получать задания.

Сун Цяньцзи кивнул. Похоже, Истинный Сюйюнь уже договорился с Залом Дьяконов. Теперь они не смогут его беспокоить. По крайней мере, открыто. А что Чжао Юйпин будет делать тайно — это уже другой вопрос.

Главный дьякон открыл свою сумку для хранения:

— Дьякон Чжао сказал, что между нами возникло небольшое недоразумение. Он знает, что вы недавно приводили в порядок двор, и специально велел нам приготовить скромные дары. Прошу принять.

Стол, стулья, кровати, шкафы, посуда и всякая бытовая мелочь полились из сумки, как из рога изобилия, и вскоре выросли во дворе небольшой горой.

Сун Цяньцзи изобразил тронутое выражение лица:

— Благодарю за беспокойство.

Главный дьякон, довольный его сговорчивостью, произнёс ещё несколько любезных фраз. Атмосфера стала дружелюбной и тёплой.

— Да что вы творите, в конце концов! — взревел Чжао Цзихэн.

Его носилки затерялись среди новой мебели, и теперь казалось, будто он и вправду пришёл с подарками.

Абсурд, да и только.

На него никто не обращал внимания. Группа дьяконов выволокла его из двора.

Он никогда не испытывал такого унижения, а Сун Цяньцзи, облокотившись на дверной косяк, ещё и усмехнулся:

— Путь был неблизкий, может, чаю выпьете перед уходом?

— Сун Цяньцзи, я твою мать...! Не смей тут радоваться!

Брань Чжао Цзихэна, подхваченная в дешёвых кабаках, была настолько грязной, что Чжоу Сяюнь и остальные, никогда не слышавшие ничего подобного, покраснели и не смогли найти слов для ответа.

Проклятия разносились по всему лесу.

Ученики из других жилищ, собиравшиеся на работу, остановились у «Двора Суна» и, показывая пальцами, стали перешёптываться:

— Эй, неужели Сун Ло опять в неприятности влип?

Даже когда дьяконы скрылись из виду, грязная ругань Чжао Цзихэна всё ещё доносилась издалека.

С громким треском Мэн Хэцзэ, стиснув зубы, сломал подлокотник своего кресла.

Сун Цяньцзи оставался невозмутим.

Люди, не увидев ожидаемой реакции стыда и гнева, заскучали и уже собирались расходиться по своим делам, как вдруг послышался шум. В конце горной тропы поднялась пыль, и показалась группа учеников из Зала Порядка в чёрных одеждах и высоких белых головных уборах.

Предводитель выкрикивал имя Сун Цяньцзи, распугивая птиц, и в мгновение ока они оказались у ворот.

Толпа тут же снова сгрудилась:

— Только ушли люди из Зала Дьяконов, как явились из Зала Порядка?

— Я сегодня лучше работу прогуляю, но досмотрю это представление до конца!

Чжоу Сяюнь и остальные растерянно переглядывались. Чувство безысходности и горечи охватило их. Почему такой хороший человек, как старший брат Сун, оказался в таком логове драконов и тигров?

Но тут они услышали, как Сун Цяньцзи с улыбкой спросил:

— А вы как здесь оказались?

Цю Дачэн, задыхаясь, ответил:

— Срочное дело, брат Сун, помоги!

Сюй Каншань добавил:

— Брат Цяньцзи, ты должен быть нашим свидетелем! Я поспорил на пятьдесят духовных камней!

Сун Цяньцзи давно знал, что эти двое — азартные игроки. После их совместного похода на главный пик они твердили, что у него счастливая рука, и настойчиво звали его в казино, чтобы сорвать куш.

Остальные ученики внешней школы в недоумении наблюдали за происходящим.

— Вы не сговаривайтесь! — вышел вперёд один из учеников Зала Порядка.

— Я сам спрошу!

Дело было простое. Встретить легендарную «первую красавицу мира совершенствующихся» — шанс, который выпадает реже, чем найти на дороге первоклассное магическое оружие. Об этом можно хвастаться десять лет, и упустить хоть день — непростительная потеря.

Вернувшись в Зал Порядка, Цю Дачэн и Сюй Каншань расписывали свою встречу в таких красках, что, казалось, сами в неё поверили. Но им никто не верил.

— Если Фея Мяо Янь действительно была там, где её колесница из чёрного золота?

Колесница во время полёта сияла багровым светом, окрашивая облака так, словно горел закат.

— Она была не на колеснице. Её провожала Чэнь-тиран... то есть, старшая сестра Чэнь. Думаю, она остановилась во Дворце Беззаботности у сестры Чэнь. Может, она и сейчас там!

— Продолжай выдумывать! — не унимались остальные.

— Кто может это подтвердить?

На мосту в тот момент было пятеро. Подтвердить их слова могли только Чэнь Хунчжу и Сун Цяньцзи.

Но обращаться к Чэнь-тиранше за подтверждением мог только тот, кому жизнь не мила.

Поэтому они пришли к Сун Цяньцзи, приведя с собой толпу и надеясь выиграть спор.

Тот ученик из Зала Порядка оглядел Сун Цяньцзи:

— В ту ночь на Мосту Уходящей Воды вы действительно встретили Фею Мяо Янь?

При словах «Фея Мяо Янь», словно по волшебству, у ворот Двора Суна воцарилась тишина. Десятки пар глаз загорелись любопытством.

Улыбка Сун Цяньцзи слегка померкла:

— Да.

Район общежитий взорвался. Возгласов, вздохов и удивлённых взглядов было столько, что казалось, они готовы были пронзить Сун Цяньцзи насквозь.

Цю Дачэн и Сюй Каншань, наслаждаясь завистью толпы, возбуждённо затараторили:

— Расскажи им скорее, какая Фея Мяо Янь красивая, просто неземная красота!

Сун Цяньцзи задумался:

— Да так, обычная.

По сравнению с той, кем она стала в его прошлой жизни, нынешняя Мяо Янь, на пике своей

славы, ещё не изведавшая трудностей, была лишена сложных интриг во взгляде, и в её бровях ещё сквозила некоторая детская наивность.

— Примерно как вы все, — добавил Сун Цяньцзи, видя выжидающие взгляды толпы.

Он считал свой ответ объективным и искренним, но остальные восприняли его как какую-то шутку:

— Ха? Что ты такое говоришь?

— Ты вообще в своём уме?

— Как это великая Фея Мяо Янь может быть «обычной»? Как она может быть «примерно как все»?

Толпа начала утверждать, что они видели «самозванку», что это оскорбление для Мяо Янь. Цю Дачэн и Сюй Каншань яростно спорили, отстаивая свою правоту.

А на Сун Цяньцзи посыпались упрёки:

— Фея Мяо Янь практикует Искусство небесного звука, она невероятно талантлива и достигла стадии Создания основы в четырнадцать лет!

— Её внешность безупречна, кожа как лёд и нефрит, она словно сошла с небес, и один взгляд на неё заставляет забыть о мирской суете!

— Её музыкальные произведения — одно другого лучше, их поют во всём мире совершенствующихся, ты что, не знаешь?

— Ох, — отозвался Сун Цяньцзи.

Человек, распинавшийся перед ним, побагровел от злости:

— Ох? Я тут распинаюсь, язык отсох, а у тебя одно «ох»?

Он схватил Сун Цяньцзи за рукав:

— Ты сегодня должен чётко объяснить, как на самом деле выглядит Фея Мяо Янь!

Сун Цяньцзи поднял глаза.

Встретившись с его холодным взглядом, тот человек внезапно потерял дар речи и инстинктивно отдернул руку.

Сун Цяньцзи выпрямился. Весенний ветер закружил лепестки, осыпая его с головы до ног.

Весна — время сеять. Что ни посадишь — всё приживётся.

Он был готов в этом дивном весеннем свете заниматься самыми скучными делами на свете.

Кроме одного — разговоров о Мяо Янь.

Потому что говорить о ней было нечего.

Сун Цяньцзи развернулся и ушёл, бросив через плечо презрительную усмешку:

— Кости в пудре. Диво дивное!

Алые ворота безжалостно захлопнулись, медные кольца звякнули.

Толпа за воротами остолбенела.

— ...Он... он только что оскорбил Фею Мяо Янь? Он изменился! — в шоке воскликнул один из учеников. — Я помню, в первый год на горе он тоже говорил: «Если женюсь, то только на такой, как Фея Мяо Янь»!

— Это не «изменился», это «с ума сошёл».

— Говорят, он, спасая Мэн Хэцзэ, повредил правую руку, которой владеет мечом, и поэтому отказался от участия в экзамене. А теперь, похоже... — говоривший ученик в отчаянии закричал. — Он повредился умом!

Гневные взгляды сменились сочувственными:

— Такой молодой, и уже всё...

— Старший брат Сун сказал это не просто так, у него наверняка есть на то свои причины! — громко возразил Мэн Хэцзэ.

Сун Цяньцзи и представить не мог, что с этого дня за ним на всю жизнь закрепится слава человека, неспособного отличить красивое от уродливого.

<http://bllate.org/book/16982/1583387>